

— Капитан Цэнь, я всегда выступал за наше сотрудничество, — с ледяной улыбкой произнёс Ду Минли. — В конце концов, в отряде «Призрачный глаз» мы не единственные капитаны, и хватает тех, кто опытнее нас. Но я не забываю, что вы по-прежнему мой соперник. Запись у меня будет в полной безопасности, и пока я не могу её вам отдать. Когда придёт день сокрушить «Сухэ», я, разумеется, окажу содействие.

— Боишься, я украду твою заслугу? — небрежно бросил Цэнь Сяо.

Собеседник не стал возражать:

— Что моё — то моё, на чужое я не претендую. Разве с этим что-то не так?

Цэнь Сяо взглянул на его руку, судорожно сжавшуюся в кулак из-за настороженности, и тихо фыркнул:

— Как знаешь.

Он прекрасно понимал, почему Ду Минли так открыто говорит о сотрудничестве в деле против «Сухэ». Тот полагал, что Девятый район не имеет к этому отношения, а значит, успех принесёт ему славу и почёт. Если бы он узнал, что и Хань Цзян замешан, то, скорее всего, начал бы тайное расследование и уж точно не заговорил бы о совместной работе.

Впрочем, Цэнь Сяо не беспокоился, что Ду Минли доложит обо всём Хань Цзяну. Тот опасался и других капитанов, боясь, что чем больше людей вмешается, тем сильнее это обесценит его собственный вклад.

На словах мужчина радел за справедливость, но в душе жаждал лишь выгоды. И почему-то именно такие люди живут в достатке, в то время как у добрых — у каждого свои страдания.

После инцидента в «Сяочэнсян» Суй Ваньцзюнь слегла и надолго пропала из детского дома, передав все дела Хун Жу. Однако она часто бродила по кладбищу на заднем склоне горы, навещая похороненных там детей. Иногда она просиживала там целыми днями, и помощнице приходилось подолгу уговаривать её вернуться. Хоть Суй Ваньцзюнь и молчала, случившееся стало её незаживающей раной, и она не могла обрести покой, пока виновные не будут наказаны.

Чжай Нин тоже было нелегко. По настоянию Ли Жуна она сдерживала гнев и ненависть, не решаясь открыто обвинить Чжоу Хуна. Но в глубине души она уже считала его таким же преступником, как и Чжэн Чжупань. Насколько Чжоу Хун был в сговоре с сообщником, никто не знал, но девушке было удобнее верить в его виновность.

Даже у самых великих людей есть свои тайные желания. Чжай Нин боялась признаться себе, что в глубине души надеялась, что Суй Ваньцзюнь будет больше всего любить и ценить именно её, а не родного сына, который ни разу не проявил сыновней почтительности. Поэтому она даже хотела, чтобы Чжоу Хун оказался подлым и непростительным злодеем. Тогда наставница разочаровалась бы в нём и перестала о нём беспокоиться.

Но об этом тайном желании Чжай Нин не смела говорить вслух.

В тот вечер, прощаясь, Ли Жун как бы невзначай намекнул, что когда всё раскроется, он выступит и подтвердит, что его родители действительно говорили, что «Люйиньсюй» не зависит от сопутствующих заболеваний. Избавленная от бремени возможного позора, Чжай Нин ещё сильнее захотела, чтобы правда поскорее вышла наружу, а Суй Ваньцзюнь увидела истинное лицо сына. Она начала с нетерпением ждать этого дня.

Но со стороны Ли Жуна не было никаких движений.

Дело не только в «Сухэ» — история с Хань Ином тоже была временно отложена. Не было подходящего момента.

Лучшим способом, который придумал юноша, было спровоцировать волну общественного мнения, возобновив обсуждение «Люйиньсюя». Но как подтолкнуть этот процесс, он не знал. К тому же он действовал с осторожностью, не будучи уверенным, что сможет направить общественное мнение в нужное русло, ведь Лю Таньчжи всё ещё контролировала множество медиаресурсов.

Раньше Ли Жун был склонен к одержимости и не отступал, пока не достигал цели, но после всего пережитого научился давать себе передышку. Он понял, что спешка не всегда помогает. В дни, когда цель кажется далёкой, нужно продолжать жить полной, яркой жизнью — только так можно не обмануть дары судьбы.

Он решил сделать Цзян Вэйдэ отправной точкой для возобновления дела препарата. А как заставить того работать на себя, предстояло решать постепенно. По крайней мере, сейчас профессор не мог ему отказывать. Когда Ли Жун предложил отправить Цзи Сяочуань на стажировку в лабораторию, тот согласился. Это была возможность, о которой многие могли только мечтать: практика в проекте, связанном с исследовательским институтом «Хунсо», открывала прекрасные перспективы для дальнейшей учёбы и карьеры.

В последние дни юноша, как только появлялось время, продолжал систематизировать детали экспериментов по проекту GT201. Помощница пока мало что в этом понимала, и ему приходилось справляться в одиночку, что отнимало немало сил. Однако Цзи Сяочуань, похоже, осознала, насколько это важно, и усердно навёрстывала упущенное.

Глядя на неё, Ли Жун чувствовал укол совести, но слова поддержки так и не сходили с языка. Счастье в работе — это не только деньги, но и осознание собственной ценности. Он знал, что его труд имеет огромное значение, и был уверен, что девушка, поучаствовав в нём, обретёт

чувство удовлетворения, недоступное большинству людей.

В свободное время Ли Жун любил устроиться с Цэнь Сяо на диване и смотреть телевизор. Смотрели они, конечно же, шоу талантов с Линь Цинем. Как раз показывали выпуск, снятый в «Сяочэнсян».

Юноша специально вымыл целую тарелку черешни и, сев на диван со скрещёнными ногами и прислонившись к плечу партнёра, то и дело отправлял в рот по яголке.

— Раньше у меня не было времени на развлекательные шоу, а теперь смотрю и понимаю — они и правда расслабляют, думать не надо.

Цэнь Сяо не отрывал взгляда от его губ. Ли Жун откусывал сочную мякоть, капельки сока стекали на кожу, и он тут же слизывал их кончиком языка. Затем юноша отправлял в рот всю ягоду целиком, неторопливо разжёвывал и, надув губы, выплёвывал маленькую косточку.

Вскоре на его ладони скопилась целая горка. Его губы стали пунцовыми и влажно блестели, даже кончики пальцев окрасились в красный.

Цэнь Сяо протянул руку и коснулся его подбородка:

— Не боишься, что от такого количества разгорится внутренний жар?

Хоть слова его и звучали невинно, пальцы двусмысленно скользили вверх-вниз по его кадыку. Шея Ли Жуна была прохладной, и при каждом глотке кадык двигался между пальцами. Через несколько секунд тот понял намерения любовника.

Он взял черешню и помахал ею перед лицом Цэнь Сяо.

— Ты тоже съешь.

Тот увернулся:

— Не люблю.

Ли Жун усмехнулся, зажал черешню между зубами и, с лукавым блеском в глазах, обхватил Цэнь Сяо за шею. Он подался вперёд, решительно прижавшись губами к его губам.

Цэнь Сяо напрягся, инстинктивно сопротивляясь напору. Ягода раздавилась, и сок потёк по их подбородкам. В следующую секунду он без колебаний выхватил плод у партнёра изо рта и, перехватив инициативу, долго и сладко целовал его.

Они ласкали друг друга некоторое время, пока Ли Жун, тяжело дыша, не отстранился и, вытерев подбородок, не проговорил:

— Мы ещё не досмотрели шоу. Веди себя прилично.

Цэнь Сяо опустил взгляд на своё тело, которое предательски отреагировало, и стиснул зубы:

— И кто тут первый набросился?

Ли Жун был в не лучшем положении и потому прикрыл живот диванной подушкой:

— Уверен, что хочешь поспорить, кто кого начал соблазнять?

Цэнь Сяо вскинул бровь:

— Думаешь, я проиграю?

Юноша, с трудом сдерживая смех, с серьёзным видом ответил:

— Хорошо, тогда поспорим об этом позже, в постели.

Обменявшись ещё парой нежностей, они снова сосредоточились на шоу. Реалити-шоу были похожи одно на другое: участников разделили на группы, они занимались с детьми из приюта, выполняли задания, пели хором, а в конце всё сводилось к возвышенной идее и рекламе «Сяочэнсян».

В таких передачах личное обаяние артиста лучше всего проявлялось в деталях его общения с сиротами. Человек с настоящим воспитанием будет уважать и понимать этих выросших в горах детей, которые мало что видели в жизни.

Некоторые из них были брошены родителями и помнили об этом, поэтому росли замкнутыми, неразговорчивыми и неохотно шли на контакт. Другие имели физические недостатки и заметно терялись на фоне здоровых сверстников. А здоровые дети, в свою очередь, робели и прятались при виде ярких звезд.

Тот, кто сумеет быстро завоевать доверие и любовь детей, получит и любовь зрителей.

Ли Жун и Цэнь Сяо наблюдали за съёмками не постоянно, но даже за то недолгое время, что они там провели, было очевидно, что Линь Цинь справляется превосходно. Вероятно, благодаря своей спокойной и мягкой натуре, он прекрасно понимал робость подопечных. К тому же его лицо, выражавшее доброту и беззащитность, легко располагало к себе.

Но, досмотрев трёхчасовую программу, Ли Жун нахмурился:

— Это у меня предвзятое отношение, или я просто необъективен? Почему мне кажется, что у Линь Циня так мало экранного времени?

— Я, пожалуй, буду пообъективнее тебя, — спокойно ответил Цэнь Сяо. — Времени действительно мало. Несоразмерно для участника с первым местом по популярности.

Юноша выпрямился, отбросив расслабленность. Он отмотал запись назад, пересмотрел несколько моментов и, прищурившись, сказал:

— Несколько эпизодов, где, по-моему, Линь Цинь был великолепен, вообще не вошли в монтаж. После этого выпуска он выглядит в лучшем случае ничем не примечательным.

То, что заметил даже Ли Жун, разумеется, заметили и поклонники. В обсуждениях шоу уже кипели страсти:

«У этого реалити-шоу будет вторая часть? Снимали три дня, неужели всё закончится тремя часами?»

«У Линь Циня так мало экранного времени, я так разочарована. Он был так счастлив с детьми, хотелось бы увидеть больше. Будут ли закулисные съёмки?»

«Скажу прямо, съёмочная группа что, враждует с Линь Цинем? Фанаты, которые были на съёмках в “Сяочэнсян”, знают, как хорошо он себя проявил, мы так им гордились, а в итоге всё вырезали!»

«Именно! Все его лучшие моменты вырезали, а реакцию детей примонтировали к другим участникам. Это так нечестно!»

«Просто нет слов. Вы, пользуясь тем, что у вас много фанатов, нападаете на съёмочную группу. У вас есть доказательства? Любой здравомыслящий человек видит, что лучше всех в шоу проявил себя Чэн Цзэжуй».

«Если такие смелые, покажите закулисные съёмки. Как можно во всём винить Чэн Цзэжуя, просто отвратительно».

«Шоу ещё идёт, как можно публиковать что-то со съёмки? У вас вообще есть понятие об авторских правах? Бесит!»

«Они просто пользуются тем, что мы не можем сейчас выложить записи со съёмочной площадки, и поэтому злонамеренно вырезали лучшие моменты Линь Циня! Всё потому, что за

ним не стоит никакая компания!»

Просмотрев обсуждения, Ли Жун покачал головой. Хоть у друга и было много поклонников, и голоса в его защиту преобладали, этого было недостаточно. Многие зрители, которые просто смотрят шоу, не участвуют в дискуссиях и уж тем более не читают оправданий фанатов. В их глазах всё было так, как показано в программе. Линь Цинь предстал таким, каким его смонтировали, и никакие усилия в реальной жизни этого не изменят.

И только Ли Жун терпеливо читал собранные фанатами доказательства того, как моменты успеха были приписаны другим участникам. Если бы экранного времени было просто мало, это можно было бы списать на необходимость уделить внимание всем артистам. Но приписывать чужие заслуги другим — это уже пахло злым умыслом.

Юноша не очень разбирался в законах этого мира и не знал, насколько распространено такое явление.

«Может, из-за того, что Линь Цинь ещё не подписал контракт ни с одной компанией, его время вытеснили те, у кого есть связи?» — пробормотал он про себя.

Но даже сейчас он не слишком беспокоился. Он помнил из прошлой жизни, что Линь Цинь обязательно займёт первое место. Проблемы у певца начались позже, когда он отказался участвовать в закулисных интригах и бездумно выкачивать деньги из фанатов. С самим конкурсом это не было связано.

Цэнь Сяо обнял его за плечи:

— За ним присматривает Цзянь Фу. Если Линь Циню будет что-то угрожать, он не останется в стороне.

Ли Жун задумчиво кивнул. Цзянь Фу, хоть и не разобрался в своих чувствах, уже не мог скрыть инстинктивного желания защищать товарища. А Первый район «Ланьшу» разбирался в интернет-войнах куда лучше, чем простые обыватели.

Цзянь Фу, разумеется, был в ярости. Он под видом ассистента провёл на съёмках всё время и знал, как тяжело Линь Цинь работал. Другие артисты позволяли себе расслабиться, но не он. За те три дня парень похудел на глазах. И вот такой результат? Это же просто издевательство!

— Пусть твои фанаты, которые снимали исподтишка, всё выкладывают! — кипятился Цзянь Фу.
— Если у съёмочной группы будут претензии, я сам заплачу! Что это за позорище они

смонтировали?!

Линь Цинь же спокойно размешивал в чашке питательный порошок. Он отхлебнул, немного поморщившись, словно было горячо.

— Я не волнуюсь, а ты чего так взъелся?

— Я... — Цзянь Фу моргнул и, запинаясь, выдавил: — Мы в одной команде, делим и славу, и позор. Тебя обижают, почему я не должен злиться?

Линь Цинь поставил чашку и внимательно посмотрел на него. Цзянь Фу под его взглядом стало не по себе:

— Что такое?

Певец отвёл глаза и покачал головой:

— Ничего.

Собеседник облизнул губы и придвинулся ближе. Он оперся рукой о стол и, глядя на профиль юноши, спросил:

— У тебя сейчас такая популярность, а монтаж просто возмутительный. В прошлый раз «панда» советовал тебе связаться с другими агентствами, ты с кем-нибудь говорил?

Цзянь Фу отобрал семь или восемь компаний, порекомендованных его дядей. Он даже тщательно расписал все плюсы и минусы каждой. Но в вопрос, с кем именно подписывать контракт, он вмешиваться не мог — это должно было быть решением семьи Линь.

— Я ещё не подписал, — тихо ответил Линь Цинь.

Цзянь Фу вытаращил глаза:

— Неудивительно! Другие компании наверняка всю боролись за эфирное время за твоей спиной, а ты сидишь как ни в чем не бывало. Нет, я пойду и отвоюю твои минуты обратно!

Эти снобы думают, что Линь Циня можно притеснять, потому что за ним никто не стоит?

Тот схватил Цзянь Фу за руку:

— Не надо. Я знал, что мои сцены вырежут. Скорее всего, это распоряжение президента Суна из «Вацзин». За шоу стоит «Сухэ», так что у «Вацзин» там решающее слово.

— Зачем ему вырезать твои сцены? — не понял Цзянь Фу.

Линь Цинь ответил с обезоруживающей прямоотой:

— Потому что я его отругал.

Собеседник склонил голову набок:

— «Панда» же просил тебя его не трогать. За что ты его так?

Результат ещё не был достигнут, и Линь Цинь не смел сказать всей правды. Он лишь полушутя ответил:

— Потому что... он спросил, нравятся ли мне мужчины постарше.

Цзянь Фу замер. А в следующую секунду буквально взорвался:

— Твою же мать! Да я его в порошок сотру, старого козла!

<http://bllate.org/book/15351/1570303>